

движений. Вот с ними-то к вечеру уже за круглым столом мы очень «мило» поговорили. О чём?

— Ребята, все вы рвётесь к власти. Ладно. Взяли. Но вы и неделю её не удержите. Вы же не знаете, что такое Россия. Из-за мелочи, из-за цвета галстука подерётесь. У каждого из вас по отдельности в программах замах вселенский. А вместе — сапоги всмятку. Нету главного — соборности. И лидера — князя и воина духа.

Согласились Торшин и Бабурин. Остальных что-то не видно на политическом Олимпе новейшей истории.

Вот запись двадцатилетней давности. Вреденькая, скороспелая, но от души.

Сбиты жизненно важные понятия: Земля, Родина, Держава, Любовь, Семья, Честь, что неизмеримым лихом обернулось для окончания XX века: завьюженные дороги, повальные грабежи, остановившиеся заводы и фабрики. Подрублена вера, не за понюх табаку целые народы преданы и проданы, на огромных пространствах осиротевшие дети. И не водица, а кровь людская хлещет на колеса мельницы Антихриста.

Однако ошиблись бесы, крупно просчитались, Придумав для себя шарлатанскую демократию, а по сути, наспех замалевав коммунистический рай на цивилизованный, они не додумались спрятать свои бесовские рога и копыта. Потому высекли искры негодования, прозрения и, что самое главное, показали себя всему честному миру — кто есть кто. От искр тех свечи загорелись, от свечей домашние очаги затеплились, из окон свет на волю начал выбиваться и многое высветил.

Были в своё время на скотобойнях козлы-провокаторы. Прирученные и прикормленные. Вёл козёл стадо или отару к гильотине. Торопился получить за чертой посоленную корку да болтушку из мякны. И новый круг. Ещё одно стадо — на колбасу. Ещё одна отара — на гуляш. А козёл рогатый ел и получал к вечеру пинка под зад, зная, однако, что нужен будет и завтра, и послезавтра.

И до чего живучи эти козлы-провокаторы. Ещё удивительнее — хозяйева-то у них одни и те же. Которые музыку заказывают. Ну давайте вспомним совсем недавнюю историю. Заказали «те» «нашим» революцию — пожалте, вашество! И четверть народонаселения в кровавую мясорубку, а козлам-провокаторам алебастровые бюсты.

Чуть народишко оправился, малолетки подросли, снова заказ — устроить голодуху. Пожалте, вашество, хоть в самых хлебных краинах. Да так постарались, что десятки миллионов в белые тапочки обули, а остальное крестьянство разделили на кулаков-мародёров и рабов-дармоедов. И тем, и другим — небо с овчинку. А козлы-провокаторы наукой да искусством занялись.

Ага! Пустили козла в огород. Раздобрели козлы, осмелели, даже на хозяев стали копытцами постукивать, мол, не хотим уже болтушку из мякны, а хотим гуманитарную помощь. Тут и заказ готов — разделить сверхдержаву на сотни Лихтенштейнов и Люксембургов. Козлы-то теперешние уже поднаторели в наглости, без маски работают — тут же придумали престройку, гласность, приватизацию, наклепали целую армию карманных президентов и... пошла писать губерния!

Главное в работе этой суетливой и весёлой компании молодежавеньких бесенят — отучить народ думать о созидании, отучить работать, отучить давать; но зато расплодить великое множество маленьких (на местах) козлов-провокаторов, а остальную «массу» — попрошайничать.

Вот и пример. В одной из военных академий Санкт-Петербурга приказали принять гуманитарную помощь из Германии — по три банки сгущёнки на двоих. И смех, и грех, когда в военном городке в Сибири лётчики хвойную кору перетирали на кашлицу для детишек. Хоть стреляйся...

Дожили... «Честь имеем, ваше битое во веки веков иноземное превосходительство». Однако можно скрепя сердце и это пережить, как плевок или запрещённый удар. Но! Те транспорты не уходят из России належке. Тут беда покруче.

Под грифом «секретно», под дипломатической неприкосновенностью, при сопровождении «своих» от деньги-власть-закон-охранные грамоты имущие в рефрижераторах и контейнерах — тайно и явно, подло и безнаказанно — вывозятся произведения искусства, иконография, золото и серебро — наша история, наше национальное достояние. Вывозится всеми видами транспорта через так называемые размытые границы.

Если бы какой-нибудь слабонервный директор музея из глубинки заглянул в такой контейнер, его бы кондрашка хватил. Не дадут слукавить мои товарищи: когда я поднимал из пепла Музей-усадьбу Талицы, бывшее поместье великого князя Дмитрия Донского, я поседел. И это с моим-то чувством юмора и с прозвищем «Непотопляемый Броненосец». Каково же тогда незащищённым моим коллегам?

Из Ипатьевской летописи

Июль 1380 года. За два месяца до Куликовской битвы великий князь Московский Дмитрий Иванович купил у князя Ростовского Олега поречные земли на полдороге в Троицкий монастырь, село Большие Талицы, и в нём каменный дом с подворьем и прудами.

То ли быть, то ли боль...

Июль 1994 года. Я, Василий Тишков-Одоевский, по Божьему промыслу, веду реставрацию усадебного комплекса в Талицах на старой Ярославской дороге, а через возрождённый журнал «Игрушечка» несу слово надежды в открытые души детей. Первая скульптура, установленная мною в парковой зоне, Сергей Радонежский, игумен и печальник земли Русской, благословивший князя Дмитрия на смертный бой с татаро-монголами.

Круг в шестьсот лет замкнулся. Коротки и светлы подмосковные ночи. В круговерти повседневных забот не хватает даже самого длинного июньского дня. А затишок между вечерней и утренней зорьками ещё стремительнее. Да и не уснёшь — гремят в старинном парке соловьиные концерты.

Иду с холма от дома липовой аллеей к скульптуре Неистового Аввакума. От реки туман, и Аввакум парит над ним — как из вечности, о чём-то предупреждает меня вскинутой рукой. Слева — Сергей Радонежский. Справа — Кирилл и Мефодий. Всё, как было на Святой Руси, есть и должно быть. В предраассветном торжественном спокойствии и душевный мятеж утихает.

Вспоминаю слова старца Василия: «В храме, как в лесу, порядок должен быть». Что сказать ему на это сегодня? Да то же самое — наш общий храм в душе каждого должен быть в чистоте и порядке, как всё, что создано Господом Богом в этом мире и завещано людям. Хранить завещанное — долг тяжёлый и святой.

...Так или эдак, но в сердце тревога. Хотя... Не слукавил. Спросите у Бога. И подишусь в завершении сказа Кратким досье, чтобы не было сглаза.

Я из Одоевских-Тишковых, Внук Фёдора и сын Петра, Наш древний род не опозорил, Не отрекался никогда От геной памяти казнённых, И в казематах сохранных По первородству сыновей От Рюрика до наших дней.

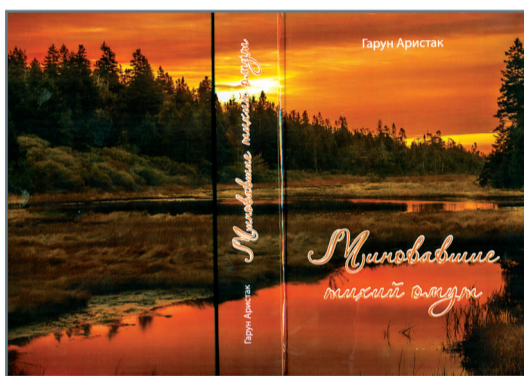
Не отрекался от Креста, Побед и бед, лихих сражений; От каторги, детей, любви и поражений.

А коль забыт был иногда, И даже предан лжедрузьями, То не такая уж беда... Сегодня рядом я с князьями.

Честь имею, жить в России, В когорте княжеской. Василий.

Горячий Север Гаруна Аристакесяна

Люди Севера, по его глубокому убеждению, — это особое наднациональное сообщество России, впитавшее в себя культуру всех народов, населяющих её, воспитанное и проверенное суровыми условиями совместного проживания в экстремальных обстоятельствах районов Крайнего Севера

лёгкий хлопок за соплом двигателя, и вскоре он самопроизвольно выключился.

— Вадим, отключи левый двигатель, — спокойно скомандовал Александр. — И посмотри хорошенько, есть ли возможность его запуска повторно.

Вертолёт стало кренить на борт, скорость полёта падала. Один двигатель уже не справлялся с нагрузкой. Высота падала тоже. Вадим доложил, что к повторному запуску всё готово. Александр переводом угла тангажа выровнял вертолёт и прибавил скорости.

— Пробуем, командир? — спросил Вадим нетерпеливо.

Александр снова нажал на тангаж, меняя угол крена. Интенсивно работая педалями «шаг-газ», он довёл обороты несущего винта до необходимых и развернул вертолёт против ветра:

— Давай, пробуй!

Двигатель ровно загудел, медленно набирая обороты.

— Есть, командир! Работает! — обрадовано доложил он.

Александр делал всё, чтобы сохранить скорость полёта, уменьшая угол тангажа. И это ему удалось. Вертолёт разогнался до 130 км. Обороты левого двигателя достигли средних показателей, но не хватало уже высоты. Вертолёт падал, и с этим ничего нельзя было сделать — один двигатель не справлялся с весом. И тут сработал зуммер радио-высотомера. Загорелась красная лампочка «опасная высота».

Гарун Аристакесян бок о бок прожил с своими героями — геологами, горняками, авиаторами, моряками и речниками, автомобилистами и дорожниками, врачами и учителями — полвека, приехав на Север со студенческой скамьи по направлению.

Он, безусловно, знает, о чём пишет, ибо хорошо усвоил не только традиции и нравственные устои своих героев, но и характер, негнбимую волю к жизни, основой которой в высоких широтах всегда составляли бескорыстная, чистая и верная дружба, искренняя любовь и бережное отношение друг к другу. Без чего никому и никогда не удавалось выжить на этом особом субконтиненте.

Его герои — люди сильные, стойкие в любых испытаниях, часто азартные и авантюрные, но честные перед своей совестью. Автор убеждён, что нравственно убогие, внутренне пустые люди, случайно заброшенные судьбой на Север в погоне за длинным рублём, здесь не приживались и никогда не приживутся.

Книга повестей Гаруна Аристакесяна «Миновавшие тихий омут» продолжает серию его рассказов и повестей о людях Севера, начатую в изданных ранее книгах: «Исчезнувший прииск», «Здесь я хотела стать счастливой», «Ресторанчик «Хрома»», «Иду на свет Полярной звезды». Теперь читатель прочтёт в новой книге четыре повести, написанные в последние четыре года: «Пурга ярилась», «Бартер в Сусанино», «Горе не беда», «А в городке КМА свой водевил».

Отрывок из повести «Пурга ярилась»

...Борт отключился. Александр не стал докладывать транзитом об истинном положении дел, ибо был твёрдо убеждён, что экипаж справится с ситуацией самостоятельно. К тому же, решение о вынужденной посадке уже созрело, хотя ещё теплилась надежда на то, что за перевалом зона обледенения станет ослабевать.

Он снова огляделся. Судя по очертаниям хребта, часть перевала уже позади, значит, и высота гор заметно понизится. Командир взял управление на себя и стал варьировать курс, стараясь быстрее покинуть высокие горы перевала.

Они уже были в воздухе более двух часов, когда бортмеханик доложил об откладе генератора постоянного тока левого двигателя. Александр понял, что влага проникла в него через отсыревшую обмотку. «Время «Ч» подоспело», — подумал и, усевшись удобней, взял крепко в руки штурвал. За бортом послышался

— Высота, высота!.. — закричал Вадим и начал отсчёт. — Двадцать пять метров!.. Двадцать!.. Десять!.. Ну, давай, садимся, наверное!.. Гаси скорость!..

Внизу под брюхом Александр заметил большие валуны, округло торчащие на склоне... Снова развернул вертолёт носом в гору. Машина плавно и послушно стала садиться. Интуитивно сделал подсечку...

Он больше не видел ничего — облако снега и пыли вихрем закружилось вокруг и смешало воедино небо, горы, снег и камни....

...Вертолёт качнулся, зацепил лопастью несущего винта за камни, и они со звоном разлетелись на мелкие куски. Вдруг хвостовое оперение на что-то наткнулось, послышался глухой удар, треск, лопнула рули, балка обломилась и отлетела в сторону, словно скорлупа раздавленного ореха, следом вырвало грузовые створки. Они, точно лыжи, заскользили по камням под откос, а в образовавшуюся дыру полетели мешки с рыбой...